

ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ФИЛОСОФИИ ЖАКА ДЕРРИДА

Евгений Иванович Учаев

МГИМО МИД России, Москва, Россия
eugeneuchaev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4359-4203>

Аннотация. В статье на примере работы Жака Деррида «Нет, Апокалипсис не сейчас» рассматривается постмодернистский подход к проблеме ядерного оружия. Учитывая распространённую характеристику постмодернизма как релятивизма, выдвигается гипотеза, что философы-постмодернисты будут обосновывать неабсолютный характер ядерной угрозы и/или предлагать релятивистские пути борьбы с ней. В таком ключе интерпретирует обсуждаемую работу Деррида, в частности, Борис Гройс. Подробный анализ текста Деррида, однако, показывает ошибочность подобных предположений и интерпретаций. Хотя отдельные элементы релятивиз-

ма действительно обнаруживаются (так, Деррида описывает ядерную войну как текстуальный феномен и как не-событие, в дискуссиях о котором окончательно стирается различие между знанием и мнением, *doxa* и *episteme*), они не играют решающей роли. Во-первых, Деррида признаёт абсолютный характер ядерного оружия, которое, по его мнению, угрожает уничтожением если не всего человечества как биологического вида, то, как минимум, «всего архива и всего символического потенциала» — то есть, культуры как социального механизма примирения с индивидуальной смертностью. Во-вторых, французский философ критикует стратегию ядерного сдерживания, полагающуюся на логику эскалации и уязвимую перед случайностью, как способ предотвращения ядерной войны. В-третьих, Деррида подчёркивает, что ядерная война, уничтожая любые ценности и идеалы, во имя которых она может быть начата, в действительности будет (если когда-либо случится) войной «во имя имени», «во имя ничего». В качестве противовеса подобным — одновременно фундаменталистским и нигилистическим — устремлениям, он выдвигает императив любви к жизни, который в более поздних произведениях французского философа развивается в тезис об ответственности за продолжение жизни другого, занимая центральное место в его этико-политическом учении. Вместе с тем, поскольку Деррида в итоге делает акцент на индивидуальном, а не коллективном выживании, вопрос о способности его философии полноценно ответить на вызовы ядерной эпохи остаётся открытым.

Ключевые слова: постмодернизм, релятивизм, Деррида, ядерное оружие, ядерная война, стратегия сдерживания, деконструкция, жизнь, выживание

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Автор также благодарит за ценные комментарии участников конференции «XXVIII Шишкинские чтения. Этика меняющегося мира» (24.12.2022, МГИМО), на которой были впервые представлены отдельные аргументы настоящей статьи.

Для цитирования: Учаев Е.И. Проблема ядерного оружия в философии Жака Деррида // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 1. — С. 7–18. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-1-25-7-18>

Philosophical essay

JACQUES DERRIDA ON THE PROBLEM OF NUCLEAR WEAPONS

Yevgeny I. Uchaev

MGIMO University, Moscow, Russia
eugeneuchaev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4359-4203>

Abstract. The article discusses postmodernist approaches to the problem of nuclear weapons, taking as an example Jacques Derrida's paper *No Apocalypse, Not Now*. Proceeding from the widespread conception of postmodernism as relativism, the author hypothesizes that postmodernist philosophers would either try to demonstrate the non-absolute nature of the nuclear threat or suggest relativist ways of countering it. If we agree with Boris Groys' interpretation of Derrida's work, then it perfectly conforms to such expectations. However, a careful reading of the paper in question proves both our hypothesis and Groys' interpretation to be wrong. Although *No Apocalypse, Not Now* does contain a number of relativist theses (for instance, Derrida portrays nuclear war as a textual phenomenon, a non-event, the absent referent that finally blurs all the distinction between knowledge and opinion, *doxa* and *episteme*), they play a minor role in the overall argument. Firstly, Derrida acknowledges the absolute nature of nuclear weapons: for him, they threaten the destruction of *the entire archive and all symbolic capacity*, that is, of culture as a social mechanism for coping with death, if not the destruction of the whole humanity as a biological species. Secondly, the philosopher criticizes the strategy of deterrence for relying on the logic of escalation and being prone to chance and accident. Thirdly, Derrida emphasizes that a nuclear war, which would destroy all the values and ideals that might legitimate starting it, would in fact be fought (should it happen) *in the name of the name, and of nothing else, thus of nothing*. To counter such urges, at the same time fundamentalist and nihilistic, the philosopher invites us to fall *in love with life*. In the later works of Derrida this invitation develops into a principle of responsibility for the life of the other, one of the central tenets of his ethical and political thought. However, since Derrida chooses to focus on individual instead of collective survival, questions remain as to whether his philosophy is able to meet the challenges of the nuclear age.

Keywords: postmodernism, relativism, Derrida, nuclear weapons, nuclear war, deterrence, deconstruction, life, survival

Acknowledgements: The research was supported by the grant to the MGIMO University for implementing the "Priority-2030" strategic academic leadership program. The author wants to thank the participants of the 28th A. F. Shishkin Memorial Conference (December 24, 2022; MGIMO University), where some of the article's theses were first presented, for valuable comments and suggestions.

For citation: Uchaev, Ye. I. (2023) 'Jacques Derrida on the Problem of Nuclear Weapons', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(1), pp. 7–18. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-1-25-7-18>

Опубликованная в 1984 г. статья Жака Деррида «Нет, Апокалипсис не сейчас (полный вперёд, семь ракет, семь посланий)» [Derrida, Porter, Lewis 1984] в России почти не известна¹. Вместе с тем, она заслуживает внимания хотя бы потому, что, на первый взгляд, представляет собой пример столкновения абсолютно противоположных феноменов: постмодернизма и ядерного оружия. Почему абсолютно противоположных? Постмодернизм (насколько он в принципе поддается обобщающему определению) традиционно понимается как бескомпромиссная критика претензий на универсальное знание, будь то научное или этическое, как декларация невозможности устойчивой, окончательной легитимации любого политико-идеологического проекта — иначе говоря, *релятивизм* [Хаустов, 2018: 9–29; Hicks, 2004: 1–22]. Деррида столь же традиционно причисляют к постмодернизму², а иногда даже характеризуют его как «авангард постмодерна» [Hicks, 2004: 1] и «чемпиона постмодерна» [Хаустов, 2018: 15]. В свою очередь, ядерное

оружие почти сразу же после своего создания было осмыслено как «абсолютное оружие (курсив мой. — Е.У.)» [The Absolute Weapon..., 1946], потенциально способное уничтожить всё человечество³. Умберто Эко однажды заметил, что «смерть и стена — единственные формы Абсолюта, в которых мы не можем сомневаться» [Эко, 2014: 67]. Пусть он имел в виду индивидуальную смерть, данный тезис должен быть тем более справедлив для смерти коллективной, всеобщей. Однако на практике вторая половина XX в. — эпоха абсолютного оружия — стала одновременно временем расцвета релятивизма.

Чем можно объяснить этот факт? Постмодернисты просто игнорируют реальность? Подобную интерпретацию предлагает, например, Борис Гройс в своей статье «Да, апокалипсис, да, сейчас»⁴ — едва ли не единственным подробным русскоязычным разборе интересующего нас текста Деррида⁵ [Гройс, 2021]. Может быть, даже намеренно её маскируют⁶? Или же у них есть серьёзные аргументы против тезиса

¹ По состоянию на 12 февраля 2022 г., в базе данных РИНЦ отсутствуют работы российских авторов, цитирующие «Нет, Апокалипсис...». Даже монография Н.С. Автономовой «Философский язык Жака Деррида» [Автономова, 2011] — самое на данный момент обстоятельное исследование философии Деррида на русском языке — полностью обходит вниманием данную статью.

²

³ Ярким примером такого осмысления стал знаменитый Манифест Рассела-Эйнштейна, содержащий, в частности,

следующие слова: «Всем, без исключения, грозит опасность, и, если эта опасность будет осознана, есть надежда предотвратить её совместными усилиями». (См.: Манифест Рассела - Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. — URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>). В 1980-е гг. отношение к ядерному оружию как угрозе тотальной катастрофы получило дополнительное обоснование в виде теории «ядерной зимы», которая, с рядом оговорок, продолжает считаться актуальной и сегодня [Global food insecurity..., 2022; Ord, 2020: 90–102].

⁴ Впервые вышедший в эмигрантском журнале «Беседа» (№ 5, 1987), этот текст затем был перепечатан в «Вопросах философии» (№ 3, 1993), а недавно — в двух сборниках работ Гройса, выпущенных издательством Ад Маргинем: «Ранние тексты: 1976–1990» (2017) и «Введение в антифилософию» (2021), в последнем — под заглавием «Жак Деррида». В данной статье постраничные сноски приводятся по «Введению в антифилософию».

⁵ Представляется, что наличие этого текста не опровергает исходного тезиса о фактической неизвестности в России обсуждаемой статьи Деррида. По состоянию на 12 февраля 2022 г. в базе данных РИНЦ обнаруживается 49 ссылок на данный текст Гройса (в основном, на версию из «Вопросов философии»), из которых *ни один* не посвящён непосредственно философии Жака Деррида.

⁶ «Является он осознанным или нет, широко распространённый выбор ярлыка “постмодерный” для характеристики периода после 1945 года приводит к избеганию или подавлению мысли о ядерном факторе...» [Ruthven, 1993: 4].

об абсолютности ядерной угрозы? (В ситуации идущего сегодня опосредованного конфликта между ядерными державами это стало бы приятным облегчением). Или обманчивы распространённые описания постмодернизма, и он всё же способен вместить в себя идею абсолютного? Возможно, обращение к тексту «Нет, Апокалипсис не сейчас» поможет найти ответ на эти вопросы — в отношении если не всего постмодернизма, то, как минимум, самого Деррида.

Ядерная война как текст, референт и угроза

Статья Деррида состоит из семи частей («ракет-посланий»⁷, как называет их сам философ), однако для наших целей можно, опуская первую вводную часть о проблеме скорости, представить её структуру как последовательный ответ на 3 вопроса: А) почему литературовед и философ языка вправе рассуждать о ядерном оружии (части 2–3); Б) почему тема ядерного оружия его волнует (части 4–5); В) на какой способ предотвращения ядерной катастрофы мы можем надеяться (части 6–7). Проанализируем поочередно аргументы Деррида по каждому пункту, причём проделаем этот анализ не в одиночку, а в диалоге с Борисом Гройсом. Как будет показано далее, его интерпретация — на сегодня единственная доступная русскоязычному читателю — в ряде важных смысловых аспектов требует критического обсуждения и уточнения.

Почему литературовед и философ языка вправе рассуждать о ядерном оружии?

Помимо рассуждений об уникальности и новизне ядерной эпохи, которая делает всех одинаково некомпетентными — и потому одинаково компетентными [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 22], Деррида в ответ на первый вопрос выдвигает оригинальный

аргумент о «поразительно текстуальной» природе ядерной стратегии: ядерное оружие, как никакое другое в истории, «зависит от информационно-коммуникационных и языковых структур» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 23]. Гройс удачно поясняет суть этой зависимости: «Во-первых, вся стратегия гонки вооружений риторична, поскольку ориентирована на то, чтобы внушить нечто оппоненту. Во-вторых, если война когда-нибудь начнётся, то она будет состоять из серии приказов, основанных на чисто словесной информации, опытная верификация которой будет в принципе невозможна» [Гройс, 2021: 81].

Кроме того, до тех пор, пока ядерная война не случилась, она не является реальным референтным событием, а только совокупностью словесных представлений и сценариев [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 23]. Из этого тезиса Деррида делает вывод, в частности, о невозможности разграничения мнения и знания, *doxa* и *episteme* применительно к ядерным вопросам [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 24]. В отсутствие у дискурса реального референта все суждения о ядерной стратегии якобы равноценны, а единственным доказательством станет — если она произойдет — сама война, которая, однако «ничего не доказывает» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 26]⁸.

Рассуждения Деррида по первому вопросу выглядят как почти идеальный релятивизм, однако не будем торопиться с выводами.

Почему тема ядерного оружия его волнует?

На второй вопрос у Деррида есть два ответа: банальный и интересный. Банальный ответ заключается в привычной мантре об угрозе самоуничтожения человечества: «несколько секунд могут необратимо решить судьбу того, что иногда ещё продол-

⁷ В английском тексте игра слов: missile — missive.

⁸ Этот вывод впоследствии подверг критике Дж. Фишер Соломон, предложивший потенциалистскую, вероятностную метафизику в качестве способа референции к будущему как реальному и, следовательно, в качестве пути, сохраняющего возможность оценки высказываний о будущем: «ядерный критицизм мог бы сравнивать и оценивать различные “убеждения”, высказанные в ходе политических дискуссий о ядерном референте, отстаивая при этом позицию, что не все “убеждения” равны и не все возможности одинаковы...» [Solomon, 1988: 275].

жают называть человечеством» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 20]. Пусть это утверждение и сопровождается замечанием, что возможны разные степени уверенности в его истинности, оно нигде в статье по-настоящему не ставится под вопрос. Деррида интересуется другое: намного больше внимания он уделяет не риску уничтожения человечества в целом или разрушения условий человеческого существования, а угрозе *уничтожения литературного архива*. Под литературой здесь специфически понимается не конкретная сфера творчества, а — расширительно — любой тип дискурса, который не имеет референта вне себя самого [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 26]. Если допустить, например, что дискурс науки имеет внешний референт в виде материального мира и его законов, то он имеет какие-то шансы восстановиться после гипотетической ядерной войны, однако для литературного архива она станет «тотальным, бесследным разрушением» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 27].

Для Деррида из этого также следует, что литература как таковая принадлежит ядерному веку (где «ядерное» следует понимать расширительно как образ и метафору угрозы тотального самоуничтожения): в отсутствие других внешних референтов единственным таковым оказывается угроза уничтожения литературы. «Ядерная война является единственным возможным референтом любого дискурса и любого опыта, условия существования которого сходны с условиями существования литературы» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 28]. А раз единственно возможным, то, следовательно, и «абсолютным референтом, горизонтом

и условием всех прочих» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 28]. Поэтому, в каком-то смысле, у Деррида возможность собственного исчезновения оказывается единственным предметом любой литературы, тем, о чём она подспудно говорит, даже когда говорит о других вещах. Упоминание «абсолютного», впрочем, не должно вводить в заблуждение: для Деррида речь отнюдь не про источник несомненного знания. Напротив, он снова возвращается к теме «ничего-недоказывающей» ядерной войны как «исторического и а-исторического горизонта абсолютной само-уничтожимости без апокалипсиса, без откровения собственной истины, без абсолютного знания» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 27].

Так или иначе, открывает ядерная война истину или нет, к её угрозе Деррида относится всерьёз [Dallmayr, 2016: 13–15]. Релятивизм хоть и не исчезает полностью, но решительно отступает на второй план. Да, мы имеем дело с не совсем обычной расстановкой акцентов, но далеко не с примитивной релятивизацией или «забалтыванием» проблемы. Наоборот, Деррида подчёркивает, что — в отличие от индивидуальной смерти, «реальность» которой может смягчаться культурой, сохранением памяти в пространстве символического⁹ — всеобщая ядерная смерть «необратимо уничтожит весь архив и весь символический потенциал, уничтожит “движение к выживанию”, которое я называю “выживаемость” (survivance), в самом сердце жизни» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 28]¹⁰. И здесь мы подходим к третьему вопросу, на который философ пытается дать ответ.

⁹ Для Гройса этот тезис становится основанием обвинить Деррида в элитарности: якобы социальное и символическое бессмертие — удел интеллектуалов, а «“человек с улицы” инстинктивно чувствует, когда речь идёт об угрозе атомной войны и борьбе с ней, что проблематика эта его не касается: ему нечего терять, поскольку он не выставлялся в музеях и его сочинения не хранятся в библиотеках» [Гройс, 2021: 87]. Однако можно возразить: уверенность в том, что окружающее общество, в которое человек вносит свой вклад, продолжит существовать и после него, — это важное условие осмысленности жизни для любого человека вне зависимости от социального положения [Scheffler, 2013: 59–60].

¹⁰ Данные формулировки свидетельствуют о неадекватности встречающейся иногда интерпретации текста «Нет, Апокалипсис...» как призыва «критиковать любые дискурсы вне зависимости от предполагаемых последствий в реальном мире» [Blouin, Shipley, Taylor, 2013: 3].

На что мы можем надеяться?

Приходится с самого начала признать, что части текста, посвящённые «рецепту спасения», оказываются у Деррида наиболее темными и противоречивыми. Не вполне ясно даже, есть ли он, или же философ ограничивается лишь выявлением проблем, оставляя поиск решения другим текстам и другим авторам.

«Ошибки в адресации»?

Обратимся сначала к интерпретации Гройса: «единственную надежду Деррида видит характерным образом всё в той же всегда возможной и всегда наступающей “ошибке сообщения”. Ракеты, посланные в цель, по какому-то случаю могут так же не достичь её, как не достигают адресата и прочие литературные сообщения. Ошибки в адресации — залог поддержания и продолжения жизни. <...> Постмодернистская теория литературы оказывается, таким образом, гарантом от тотального уничтожения...» [Гройс, 2021: 82–83]. Это истолкование вновь возвращает нас к «образцовому» релятивизму, однако верно ли оно?

Как можно предположить, Гройс отталкивается от следующего — достаточно многословного и запутанного — места в тексте Деррида: «...одно или даже, с самого начала, несколько посланий, множество посланий — ракет — из-за присущей им склонности сбиваться с пути (destinerrance) и случайности могут, в ходе самого процесса (стратегических. — Е.У.) расчётов и симулирующих этот процесс игр, выйти из-под всякого контроля, выйти безвозвратно, ломая саморегуляцию системы, в результате чего они будут стремительно (слишком быстро, чтобы избежать худшего), но необратимо уничтожены» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 29]. Чтобы разобраться в смысле этого отрывка, обратимся к контексту, который, кажется,

совсем не учитывает Гройс. В шестой части статьи, к которой принадлежит процитированный фрагмент, Деррида приводит аргументы против надежды на ставшую к тому моменту доминирующей стратегию сдерживания. Главный из этих аргументов в том, что сдерживание опирается на логику и холодную рациональность, однако «его (сдерживания. — Е.У.) “логика” — это логика девиации и трансгрессии, оно или опирается на риторически-стратегическую эскалацию, или обращается в ничто. Оно — по расчёту — отдаёт себя в руки тому, что нельзя рассчитать, случаю и удаче» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 29]. «Ошибка сообщения» в данном случае — не надежда, как думает Гройс, а, напротив, угроза: ложное срабатывание систем оповещения о пуске ракет или неверно расшифрованное намерение противника¹¹ может стать причиной начала ядерной войны. Деррида прямо указывает: тот факт, что несущие ядерное оружие ракеты могут быть описаны как текстовые послания, «не сводит их к унылой безобидности, которую некоторые наивно приписывают книгам», а напоминает, что слово «всегда несёт в себе мощь машины смерти» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 29].

Для контраста можно также сравнить позицию Деррида с подходом Жана Бодрийяра [Norris, 1990: 129–130]. По мнению последнего, для предотвращения войны «остаётся надеяться на сохранение ядерной эскалации и гонки вооружений», поскольку они поддерживают войну «в своей орбитальной и экстатической форме», в режиме симуляции, гиперреальности, благодаря чему реальная «война никогда больше не будет иметь место» [Бодрийяр, 2017: 17]. Опасны же как раз попытки де-эскалации, которые возвращают «ограниченное, так сказать, человеческое, пространство войны» [Бодрийяр, 2017: 17]. Бодрийяр, в отличие от Деррида, не видит, что «риторически-стратегическая» ядерная

¹¹ А именно такие «ошибки сообщения» в контексте ядерного оружия являются наиболее вероятными, как показала история холодной войны, в частности, советские приготовления к ядерной войне, связанные с неверной интерпретацией учений НАТО «Умелый лучник» 1983 г. [см.: Даунинг, 2020: 170–226].

эскалация сохраняет связь с реальностью и может вылиться в реальную войну как в результате случайности, так и в результате непрерывного повышения ставок: эскалация неизбежно должна либо прерваться де-эскалацией, либо завершиться реализацией угрозы. Поэтому, если и искать образец постмодернистски-релятивистского отношения к ядерной угрозе, то им будет как раз Бодрийяр. По отношению же к Деррида попытка Гройса представить его шаблонным релятивистом оказывается, как мы увидели, ошибочной.

«Отсроченность» (*differance*)?

Но на что же тогда надеется Деррида? Можно было бы подумать, что на автоматическую работу *differance* — одного из центральных понятий его философии, означающего, в том числе «промедленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени» [Автономова, 2011: 141], которое делает «конец чего бы то ни было радикально недоступным» [Prozorov, 2012: 491]. Однако, как указывает сам Деррида, в области ядерной стратегии этой логике «откладывания» соответствует как раз ядерное сдерживание [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 29]. А мы уже отметили выше фундаментальную уязвимость сдерживания, выявленную Деррида: декларируя себя единственной рациональной ядерной стратегией, сдерживание в самой своей основе опирается на иррациональность, «логику девиации и трансгрессии» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 29].

На ту же ненадёжность «откладывания» указывают и рассуждения Деррида вокруг понятия *epoché*. В соответствии с упомянутым тезисом о ничего-не-доказывающей ядерной войне, «ядерная эпоха» у Деррида поначалу описывается как «абсолютное *epoché*», радикальное воздержание от суждения [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 27]: здесь он отсылает к этимологическому корню слова «эпоха» в греческом понятии *epoché* («задержка», «остановка»), означав-

шем в античном скептицизме воздержание от суждения по неочевидным вопросам¹². Однако затем оказывается, что эта «эпохальная приостановка» всё же не является окончательной, не способна предотвратить встречу с «полностью другим» (*wholly other / entirely other*) — ядерной войной [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 28], хотя, основываясь на приведённом положении о «текстуальной» природе ядерной войны, «некоторые могли бы заключить, что она (ядерная война. — Е.У.), следовательно, нереальна, полностью приостановлена в своём сказочном и литературном *epoché*» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 28].

Таким образом, у нас нет оснований подвергать сомнению интерпретацию Кристофера Норриса, согласно которой «Нет, Апокалипсис...» является критикой стратегии ядерного сдерживания [Norris, 1987: 24–25; Norris, 1994: 136–137]. Норрис, однако, только этой — критической — интерпретацией и ограничивается, не пытаясь обнаружить в статье Деррида ещё и какую-то «позитивную программу». Мы же все-таки сделаем такую попытку.

«Любовь к жизни»

По всей видимости, «рецепт» (если его можно так назвать) следует искать в последней, седьмой части статьи. При прочтении в ней сразу бросается в глаза следующая фраза: «У нас есть абсолютное знание, и именно поэтому мы рискуем не остановиться» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 31]. Не остановиться и начать войну. Неужели проблема всё же в претензиях на абсолютное знание, а решение — в отказе от них? Это, однако, было бы возвратом к «образцовому» релятивизму, уже дезавуированному применительно к Деррида, и анализ контекста вновь не подтверждает такое упрощённое истолкование. «Абсолютное знание», о котором здесь идёт речь — это знание, что ядерная война, если она наступит, будет вестись не во имя какой-либо подлинной ценности,

¹² Возможно, отсылка здесь идёт не напрямую на античность, а на *epoché* как синоним феноменологической редукции у Э. Гуссерля [Norris, 1994: 136], однако сути это не меняет.

а «во имя имени»¹³ — поскольку любая ценность будет в ходе неё попросту уничтожена [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 30–31]. Получается, проблема в нашей готовности начать ядерную войну, зная, что она будет вестись «во имя имени», «во имя ничего». Иначе говоря, в нигилизме. Тогда решение — в нахождении неких подлинных ценностей, опора на которые позволит не сорваться в ядерное безумие?

Деррида сразу же даёт и намёк на то, в чём эти ценности могут заключаться: «Если только всё не обстоит ровно наоборот: Бог и сыновья Сима, поняв, что имя того не стоит — и это было бы абсолютное знание — предпочли провести немного больше времени вместе, в длительной беседе с воинами, любящими жизнь <...> Но однажды пришёл человек, он отправил послания семи церквям, и они назвали это послание Откровением...» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 31]. «Имя» не стоит того, чтобы во имя него жертвовать *любовью к жизни* — это абсолютное знание. Тем же, кто это знание подрывает, оказывается Иоанн Богослов, в чьём «Откровении» Деррида (в хронологически близкой к «Нет, Апокалипсис...» работе «О недавно возникшем в философии апокалиптическом тоне») усматривает истоки той самой логики «апокалипсиса без апокалипсиса, без видения, без истины, без откровения» [Derrida, 1984: 34]¹⁴, которая затем воплощается в угрозе ядерной войны. Несколько спекулируя, представляется возможным сказать, что речь здесь идёт не только о нигилизме, но о диалектике фундаментализма и нигилизма. Откровение Иоанна в данном кон-

тексте выступает как пример образа мысли, согласно которому есть Имя, которое важнее любви к жизни — образа мысли, который через две тысячи лет приводит к возможности ядерной войны «во имя того, что ценнее жизни» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 30].

Следовательно, можно предположить, что ответ Деррида на угрозу ядерной войны — *утверждение любви к жизни*, которую при этом следует мыслить как срединный путь, одновременно избегающий как фундаменталистского следования какому-либо идеалу, так и нигилизма, отрицающего любые идеалы. Такая интерпретация, помимо прочего, хорошо соответствует поздней философии Деррида, где тема жизни и выживания становится одной из ключевых. Уже в «Призраках Маркса» поддержание жизни предстаёт как фундаментальное выражение справедливости: «справедливость несёт жизнь за пределы жизни-в-настоящий-момент или её актуального присутствия, её эмпирической или онтологической актуальности: не к смерти, а к жизни-далее (sur-vie)» [Derrida, 2006: XX]. О том, что его философия всегда утверждала ценность жизни, Деррида говорит и в своём последнем интервью¹⁵, а последними словами философа перед смертью были: «Всегда предпочитайте жизнь и постоянно утверждайте выживание» [Derrida, 2007: 462]. Этот же аспект мысли Деррида подчёркивает американский философ Леонард Лоулор, завершая свой недавний обзор следующими словами: «Деконструкция даже больше, чем справедливость, ценит жизнь (если мы

¹³ Проиллюстрируем это, переведя вышеприведенную фразу в контексте предшествующих ей: «Ни Бог, ни сыновья Сима <...> не были абсолютно уверены, что противостоят друг другу во имя имени, и ничего больше, следовательно — во имя ничего. Поэтому они остановились и пришли к длительному компромиссу. У нас есть эта абсолютная уверенность, и именно поэтому мы рискуем не остановиться» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 31].

¹⁴ Гройс и здесь предлагает радикально релятивистскую интерпретацию того, как Деррида читает Иоанна: «Ответ Деррида состоит, в сущности, в том, что всякая претензия на истину является ложной, но что разоблачение всех этих претензий продолжает обладать истинной интенцией, если оно само не приводит к провозглашению новой окончательной истины. <...> Апокалипсис оказывается, таким образом, моделью постструктуралистского, постмодернистского сознания» [Гройс, 2021: 79]. Не имея возможности подробно разбирать ещё один текст Деррида, укажем только, что весь предшествующий анализ показывает сомнительность релятивистских трактовок его философии.

¹⁵ Русский перевод с подробным комментарием можно найти в монографии Н.С. Автономовой «Философский язык Жака Деррида» [Автономова, 2011: 191–210].

можем говорить о моральной ценности). Но это не нетронутая, невредимая жизнь, а жизнь в её неустранимой связи со смертью. Следовательно, деконструкция более всего ценит выживание»¹⁶.

Вместо заключения: мессианская мысль в ядерный век?

Итак, возвращаясь к поставленному в начале вопросу, можно заключить, что в случае Деррида неверным оказывается исходное допущение о релятивизме любой постмодернистской мысли. Признание французским философом серьёзности ядерной угрозы и утверждение императива любви к жизни в качестве ответа на эту угрозу показывают, что и в философии постмодерна может найтись место абсолютному.

На языке Деррида абсолютное — это то, что не подвержено деконструкции: «если что-то остаётся столь же недеконструируемым, как сама возможность деконструкции, то это, возможно, определённый опыт освободительного обещания» [Derrida, 2006: 74]. Это обещание далее уточняется как обещание справедливости: «мышление деконструкции — то, которое имеет для меня значение — всегда подчёркивало фундаментальный, несводимый к чему-либо ещё характер утверждения (affirmation) и, следовательно, обещания, а также не-деконструируемость определённой идеи справедливости» [Derrida, 2006: 112]. Справедливость же, как было показано выше, находит своё наиболее фундаментальное выражение в продлении жизни, выживании.

Однако о чьей жизни и чьём выживании идёт речь? Отдельные формулировки Деррида¹⁷, а также его обращение на по-

следнем этапе творчества к проблематике смертной казни [Derrida, 2014, 2017] — всё это указывает на то, что философа больше всего беспокоила проблема индивидуальной жизни и смерти, а не коллективного выживания человечества. Именно вокруг утверждения индивидуальной «жизни живого существа» выстраивается вся система¹⁸ центральных понятий политической философии Деррида: «гостеприимство», «справедливость», «грядущая демократия», «новый Интернационал», «мессианское» [Автономова, 2011: 174–319; Patton, 2007]. Понятие «мессианского» и характеристика демократии как «грядущей»¹⁹ указывают на бесконечную, безусловную открытость будущему (что логично в контексте императива утверждения жизни); а «справедливость» и особенно «гостеприимство» подчёркивают, что речь идёт, в первую очередь, об ответственности за жизнь *другого*, а не о собственном самоутверждении.

Что же касается ядерного оружия, то из работ Деррида периода так называемого «этико-политического поворота» оно сколь-нибудь подробно упоминается только в двух: «Призраках Маркса» и «Изгоях». По сравнению со статьей 1984 г., акцент в них смещается с угрозы ядерной войны между сверхдержавами на проблемы ядерного распространения, включая риски попадания ЯО в руки негосударственных акторов. Видно, что Деррида по-прежнему считает ядерную угрозу серьёзной: в «Призраках Маркса» он помещает потерю государствами контроля над распространением ядерного оружия на седьмое место в списке десяти важнейших проблем современного мироустройства [Derrida, 2006: 102], а в «Изгоях» называет ядерную угрозу «абсолютной»

¹⁶

¹⁷ «Может ли вообще существовать справедливость <...> которая держит ответ за свои действия (свои живые дей-

ствия) перед чем-то, в конечном счёте, кроме *жизни живого существа* (курсив мой. — Е.У.) ...?» [Derrida, 2006: XX]. Это внимание именно к индивидуальной жизни и смерти — ещё одно доказательство необоснованности выдвинутого Гройсом обвинения Деррида в элитарности (см. прим. 9).

¹⁸ При всей условности использования слова «система» по отношению к философии Деррида.

¹⁹ Фр. — *démocratie à venir*; англ. пер. — *democracy to come*.

[Derrida, 2005: 104]. Однако «абсолютной» она здесь оказывается скорее для отдельно взятого государства (Деррида рассматривает США) [Derrida, 2005: 105], а даже если бы и для всего мира — мы помним, что ядерная война, несмотря на свой статус «абсолютного референта», «ничего не доказывает» [Derrida, Porter, Lewis, 1984: 26–28].

Таким образом, Деррида действительно отвечает на вызов ядерного оружия утверждением абсолютной, не подверженной никакой деконструкции ценности — ответственности за «жизнь живого существа, будь то природная жизнь или жизнь духа» [Derrida, 2006: XX]. Этот тезис — одновременно и заключительный вывод данной статьи, и *исходная точка для дальнейших исследований*: как быть, если «другой», за жизнь которого ты отвечаешь, творит насилие, угрожающее тотальной катастрофой? Возможно ли в эпоху угрозы самому выживанию человечества опереться на абсолютную ценность, отличную от выживания человечества *per se*?

Поскольку же обеспечение выживания человечества и, как его частный случай, предотвращение ядерной войны — это проблема политическая, требующая коллективного действия, то и вопрос уместно переформулировать в политическом ключе: *способно ли политическое устройство, основанное на «жизни другого» — индивидуального, конкретного другого — как абсолютной ценности, справиться с вызовом всеобщего уничтожения?* Если расширить ракурс и увидеть в политической мысли Деррида, представляющей собой устремленный в будущее императив всё более полной реализации определённой абсолютной ценности, частный пример общего «мессианского поворота» в континентальной политической философии [Prozorov, 2012], то проблему можно поставить и в более общем ключе: могут ли мессианская мысль и мессианская политика стать ответом на множащиеся сегодня глобальные угрозы — от вернувшегося на повестку риска столкновения ядерных держав до экологического кризиса и новых пандемий?

Список литературы:

- Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. — Москва: РОССПЭН, 2011. — 510 с.
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — Москва: РИПОЛ классик, 2017. — 288 с.
- Гройс Б. Жак Деррида // Введение в антифилософию. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. — С. 74–89.
- Даунинг Т. 1983-й. Мир на грани. — Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2020. — 336 с.
- Хаустов Д.С. Лекции по философии постмодерна. — Москва: РИПОЛ классик, 2018. — 286 с.
- Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. — Москва: АСТ: CORPUS, 2014. — 349 с.
- Blouin M., Shipley M., Taylor J. Introduction: The Silence of Fallout // The Silence of Fallout: Nuclear Criticism in a Post-Cold War World. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. — P. 1–15.
- Dallmayr F. Against Apocalypse: Recovering Humanity's Wholeness. — Lanham, Maryland: Lexington Books, 2016. — 139 p.
- Derrida J. Final Words // Critical Inquiry. — 2007. — Vol. 33, № 2. — P. 462–462. <https://doi.org/10.1086/511502>
- Derrida J. Of an Apocalyptic Tone Recently Adopted in Philosophy // Oxford Literary Review. — 1984. — Vol. 6, № 2. — P. 3–37. <https://doi.org/10.3366/olr.1984.001>
- Derrida J. Rogues: Two Essays on Reason. — Stanford, California: Stanford University Press, 2005. — XVIII, 175 p.
- Derrida J. Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International. — London: Routledge, 2006. — XXI, 258 p. <https://doi.org/10.4324/9780203821619>

- Derrida J. *The Death Penalty: Volume I.* — Chicago; London: The University of Chicago Press, 2014. — XVIII, 289 p.
- Derrida J. *The Death Penalty: Volume II.* — Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017. — XVIII, 269 p.
- Derrida J., Porter C., Lewis P. No Apocalypse, Not Now (Full Speed Ahead, Seven Missiles, Seven Missives) // *Diacritics*. — 1984. — Vol. 14, № 2. — P. 20–31. <https://doi.org/10.2307/464756>
- Global food insecurity and famine from reduced crop, marine fishery and livestock production due to climate disruption from nuclear war soot injection / L. Xia, A. Robock, K. Scherrer et al. // *Nature Food*. — 2022. — Vol. 3, № 8. — P. 586–596. <https://doi.org/10.1038/s43016-022-00573-0>
- Hicks S. *Explaining Postmodernism: Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault.* — Tempe; New Berlin: Scholarly Publishing, 2004. — 230 p.
- Norris C. “Nuclear criticism” ten years on // *Prose Studies*. — 1994. — Vol. 17, № 2. — P. 130–138. <https://doi.org/10.1080/01440359408586525>
- Norris C. Against postmodernism: Derrida, Kant and nuclear politics // *Paragraph*. — 1987. — Vol. 9, № 1. — P. 1–30. <https://doi.org/10.3366/para.1987.0001>
- Norris C. Lost in the Funhouse: Baudrillard and the Politics of Postmodernism // *Postmodernism and Society*. — London: Macmillan Education UK, 1990. — P. 119–153. https://doi.org/10.1007/978-1-349-20843-2_5
- Ord T. *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity.* — New York: Hachette Books, 2020. — 480 p.
- Patton P. Derrida, Politics and Democracy to Come // *Philosophy Compass*. — 2007. — Vol. 2, № 6. — P. 766–780. <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2007.00098.x>
- Prozorov S. The katechon in the age of biopolitical nihilism // *Continental Philosophy Review*. — 2012. — Vol. 45, № 4. — P. 483–503. <https://doi.org/10.1007/s11007-012-9232-y>
- Ruthven K. *Nuclear Criticism.* — Carlton, Victoria: Melbourne University Press, 1993. — VII, 120 p.
- Scheffler S. *Death and the Afterlife.* — Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. — X, 210 p.
- Solomon J.F. *Discourse and Reference in the Nuclear Age.* — Norman and London: University of Oklahoma Press, 1988. — XV, 298 p.
- The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* / ed. B. Brodie. — New York: Harcourt, Brace, 1946. — 214 p.

References:

- Avtonomova, N. S. (2011) *The philosophical language of Jacques Derrida*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian).
- Baudrillard, J. (1983) *Les Stratégies Fatales*. Paris: Éditions Grasset & Fasquelle. (Russ.ed.: (2017) *Fatal'nye strategii*. Moscow: RIPOL klassik).
- Blouin, M., Shipley, M. and Taylor, J. (2013) 'Introduction: The Silence of Fallout', in *The Silence of Fallout: Nuclear Criticism in a Post-Cold War World*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 1–15.
- Brodie, B. (ed.) (1946) *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. New York: Harcourt, Brace.
- Dallmayr, F. (2016) *Against Apocalypse: Recovering Humanity's Wholeness*. Lanham, Maryland: Lexington Books.
- Derrida, J. (1984) 'Of an Apocalyptic Tone Recently Adopted in Philosophy', *Oxford Literary Review*, 6(2), pp. 3–37. <https://doi.org/10.3366/olr.1984.001>
- Derrida, J. (2005) *Rogues: Two Essays on Reason*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Derrida, J. (2006) *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203821619>
- Derrida, J. (2007) 'Final Words', *Critical Inquiry*, 33(2), pp. 462–462. <https://doi.org/10.1086/511502>
- Derrida, J. (2014) *The Death Penalty: Volume I*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Derrida, J. (2017) *The Death Penalty: Volume II*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

- Derrida, J., Porter, C. and Lewis, P. (1984) 'No Apocalypse, Not Now (Full Speed Ahead, Seven Missiles, Seven Missives)', *Diacritics*, 14(2), pp. 20–31. <https://doi.org/10.2307/464756>
- Downing, T. (2018). *1983: The World at the Brink*. London: Little, Brown. (Russ.ed.: (2020) *1983-i. Mir na grani*. Moscow: ROSSPEN; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina).
- Eco, U. (2011) *Costruire il Nemico. E altri scritti occasionali*. Milano: RCS Libri S.p.A. – Bompiani. (Russ.ed.: (2014) *Sotvori sebe vruga. I drugie teksty po sluchaiu*. Moscow: AST: CORPUS).
- Groys, B. (2011) 'Jacques Derrida', in *Vvedenie v antifilosofiiu [Introduction to Anti-Philosophy]*. Moscow: Ad Marginem Press, pp. 74–89. (In Russian).
- Hicks, S. (2004) *Explaining Postmodernism: Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault*. Tempe; New Berlin: Scholarly Publishing.
- Khaustov, D. S. (2018). *Lektsii po filosofii postmoderna [Lectures on Postmodern Philosophy]*. Moscow: RIPOL klassik. (In Russian).
- Norris, C. (1987) 'Against postmodernism: Derrida, Kant and nuclear politics', *Paragraph*, 9(1), pp. 1–30. <https://doi.org/10.3366/para.1987.0001>
- Norris, C. (1990) 'Lost in the Funhouse: Baudrillard and the Politics of Postmodernism', in *Postmodernism and Society*. London: Macmillan Education UK, pp. 119–153. https://doi.org/10.1007/978-1-349-20843-2_5
- Norris, C. (1994) "'Nuclear criticism" ten years on', *Prose Studies*, 17(2), pp. 130–138. <https://doi.org/10.1080/01440359408586525>
- Ord, T. (2020) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books.
- Patton, P. (2007) 'Derrida, Politics and Democracy to Come', *Philosophy Compass*, 2(6), pp. 766–780. <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2007.00098.x>
- Prozorov, S. (2012) 'The katechon in the age of biopolitical nihilism', *Continental Philosophy Review*, 45(4), pp. 483–503. <https://doi.org/10.1007/s11007-012-9232-y>
- Ruthven, K. (1993) *Nuclear Criticism*. Carlton, Victoria: Melbourne University Press.
- Scheffler, S. (2013) *Death and the Afterlife*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Solomon, J.F. (1998) *Discourse and Reference in the Nuclear Age*. Norman; London: University of Oklahoma Press.
- Xia, L. et al. (2022) 'Global food insecurity and famine from reduced crop, marine fishery and livestock production due to climate disruption from nuclear war soot injection', *Nature Food*, 3(8), pp. 586–596. <https://doi.org/10.1038/s43016-022-00573-0>

Информация об авторе

Евгений Иванович Учаев — магистр международных отношений, преподаватель и аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Yevgeny I. Uchaev — MA in International Relations, Lecturer and PhD student, World Politics Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.